

ольга **С**лавина
*Н*евский детектив

ГОРЯЧАЯ МЕСТЬ
ДЛЯ ОХЛАДЕВШЕГО
МУЖА

Уж он-то покидал
безутешных родственников.
Плачут в голос, с кулаками бросаются
или забьются в уголок и тихо так воют.
Но эта была не из таких.

Ольга Славина

**Горячая месть для
охладевшего мужа**

«Центрполиграф»

2008

Славина О.

Горячая месть для охладевшего мужа / О. Славина —
«Центрполиграф», 2008

Для Евгении одиночество, без единого намека на семейную жизнь, было делом давно привычным. Но однажды все изменилось. Когда-то девушке удалось помочь красивому и обходительному владельцу крупного предприятия Илье Игоревичу Болотову в разгадке криминальной тайны его семьи. Несмотря на то, что Женя привлекла внимание неотразимого шефа, ее дорога к семейному счастью была нелегка, претенденток на сердце Ильи хватало, да и прошлое не торопилось отпускать его. И праздничный рождественский ужин мог закончиться для Жени трагически, ведь желание законной супруги вернуть Илью приняло угрожающие размеры...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Славина

Горячая месть для охладевшего мужа

Глава 1

– Моего отца убили! Скорее приезжайте! – Голос женщины в телефонной трубке сорвался на крик.

– Фамилия, адрес? – привычно, с легким безразличием спросил дежурный милиционер.

– У нас дом в Красивом Бору, десять километров от трассы Москва – Крым, коттедж номер восемнадцать.

– Убили-то кого, как фамилия?

– Анатолий Федорович Фроловский, мой отец.

Ответ дежурному не понравился. Элитный дачный поселок на границе Тульской и Московской областей. Анатолий Фроловский. Что-то знакомое. Кажется, бывший депутат или отошедший от дел политик. Точно не простой смертный. Вряд ли его прикончил собутыльник ножом для чистки картошки, на котором любезно оставил свои отпечатки. Да, похоже, к стае глухарей собирается прибиться еще одна птичка.

И это под конец года. Как будто специально, чтобы испортить статистику и урезать премии.

Но делать нечего. Оперативная группа на выезд!

Роскошный трехэтажный особняк был ярко освещен, но безмолвен. Людей в доме было много, однако двигались и говорили они медленно и тихо. Ничего, еще приедут и натопчут, отметятся все – от прокуроров до журналистов. Хорошо, что все случилось ночью, ажиотаж впереди. Пока же работала одна следственно-оперативная группа.

Протокол осмотра места происшествия написали быстро. Тело обнаружили в спальне на кровати. Для определения причины смерти патологоанатом не требовался: множественные огнестрельные ранения. Орудие убийства – пистолет – валялся тут же на полу. Никаких следов взлома и проникновения в дом посторонних. Охранная система с видеонаблюдением была включена. Телохранитель, он же личный водитель, спал в комнате на первом этаже.

Записи, сделанные видеокамерами у главного входа и выхода в сад, просмотрели. И ничего подозрительного не заметили. На окнах стояли датчики, сработавшие бы от прикосновения извне. Но они не сработали. Значит, стрелял кто-то из своих, тех, кто находился этой ночью в особняке. А таких оказалось немало.

Здесь была веселая предновогодняя вечеринка или рождественская. Разве разберешься? На дворе 25 декабря, может, местные обитатели справляют Рождество на европейский манер. Народу много, а начинать нужно с ближайших родственников. С близкого расстояния всегда бьют сильнее. А наследство – возможный мотив.

Итак, Елена Болотова, в девичестве Фроловская, – дочь покойного, именно она вызвала милицию. Вадим Уфаев нашел ее в гостиной. Красивая молодая женщина в изящном черном костюме сидела на огромном красном кожаном диване, комкая в руках кружевной платок. Вроде плакала, но макияж у нее остался безупречным, отметил Вадим.

– Вадим Уфаев, следователь по особо важным делам Тульского следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, – представился он, с некоторой осторожностью усаживаясь рядом. Не любил он красных кожаных диванов. Гостиная вообще была обставлена дорого и ярко, в красно-черных тонах. Даже слишком дорого и ярко. Смелое дизайнерское решение явно влетело в копеечку.

– Елена Анатольевна, я вам соболезную, но должен задать несколько вопросов.

Она кивнула. На то, что он – следователь из Тулы, а не из Москвы, она не обратила внимания. Хотя сам Вадим понимал: это неспроста. Прежде чем ему приехать сюда, состоялось целое оперативное совещание, кто будет расследовать – Москва или Тула: территория-то пограничная. Решили, что Тула, стараясь сразу же вывести произошедшее из разряда политических, заказных, громких убийств во что-нибудь помельче, типа бытовухи, семейных разборок. В стиле «дело генерала Рохлина». Но родственнице жертвы всего этого знать не нужно.

– Елена Анатольевна, вашему отцу кто-нибудь угрожал, у него были с кем-нибудь серьезные конфликты, он вам не рассказывал? – задал следователь дежурный вопрос.

– Нет, бизнес и политику я с ним не обсуждала. Но разве это может быть как-то связано? По-вашему, в наш дом проник киллер?

– Это зависит от того, кто здесь находился ночью. Расскажите мне про ваших гостей.

– Я сама в этом доме гостя, – вздохнула Елена. – Вернее, так было раньше. Я жила с мужем. Но несколько месяцев назад мы разошлись. Знаете, как это бывает, решили отдохнуть друг от друга. Поэтому я оказалась здесь. Этакой отшельницей. Отец устроил вечеринку, чтобы меня развлечь. Кто же знал, чем все обернется...

Она замолчала, словно собралась заплакать, но сдержалась. Вадим этой женщиной явно любовался. Уж он-то повидал безутешных родственников. Плачут в голос, с кулаками бросаются или забьются в уголок и тихо так воют. Но эта была не из таких. Грустная – да, но глаза накрасить не забыла. Или просто не ложилась спать? Труп обнаружили около трех часов ночи, однако, возможно, здесь гуляли всю ночь.

– Кого Анатолий Федорович позвал в гости? – повторил вопрос следователь.

Нужно же выяснить хотя бы приблизительный объем работ. Каждый из гостей – свидетель и... подозреваемый.

– К нам на уик-энд приехали Болотовы – это папин друг с давних времен, партнер по бизнесу и его семья.

«Это семья твоего мужа, красавица, с которым ты решила разойтись. Интересно, а сам супруг был на этом празднике жизни? С такими друзьями, наверное, враги не нужны...» – подумал Вадим, а вслух сказал:

– Расскажите мне про каждого.

– Игорь Петрович Болотов, его жена Людмила Ивановна. Их дочь Маша со своим парнем Сергеем. Правда, здесь у девушки появился иной бубновый интерес.

– Какой же?

– Я не хочу сплетничать.

– И все-таки, Елена Анатольевна. Мы ищем убийцу, здесь все важно.

– Ну хорошо, – как бы неохотно согласилась она. – Маша совершенно беззастенчиво кокетничала с моим отцом. Это было так странно и неожиданно. У них разница в возрасте лет сорок. Хотя, с другой стороны, он – свободный мужчина. Моя мать умерла, поэтому возле него все время вьются какие-то девицы.

– Кто-нибудь из них присутствовал на вечеринке?

– Нет, это было закрытое, семейное мероприятие.

– А ваш муж, Елена Анатольевна? Она явно смутилась.

– Илья был. И был не один. Притащил с собой какую-то девицу. Эта Женя – его секретарша, что ли, я даже не поняла. Явно не нашего круга. Смотреть смешно на эту парочку. Видимо, он решил использовать ее как ширму от моих чар. Если бы не она, мы уже помирились бы. Ведь ссора наша была так, пустяк. Но он, видимо, серьезно обиделся и решил помучить меня...

Собеседница Вадима говорила будто уже не с ним, а сама с собой. Значит, муж много значит для нее. Разрыв случился явно не по ее инициативе. И эти отношения волнуют ее даже

больше, чем гибель отца. Хотя, может быть, она еще не осознала, что его больше нет. Первая реакция на горе – отторжение.

Интересно, а не для того ли любящий отец собрал гостей, чтобы дочка помирилась с мужем? Он мог настаивать и разозлить зятя, может, даже чем-то ему пригрозить. Еще девица с работы, которую этот Илья зачем-то притащил с собой на семейную вечеринку. Вдруг хозяин оскорбился за дочь, ведь официально развода не было, и указал на дверь незваной гостье, а она взялась за пистолет. Кстати, что это был за пистолет?

– Вы видели тот пистолет в спальне. Оружие вам знакомо? – уточнил Вадим.

– Это пистолет отца. Он лежал у него в прикроватной тумбочке.

– Почему? Анатолий Федорович кого-то боялся?

– Не думаю. Пистолет ему подарили друзья из спецслужб. Уже давно. И он его ценил. Хороший мужской подарок. Как охотничье ружье. Оно у него тоже было. В запертом ящике, как положено.

Видели они этот ящик. Ружье на месте. Итак, пистолет жертвы. По словам эксперта, абсолютно чистый от пальчиков, будто постиранный «Тайдом». Значит, любой, кто был в доме, мог воспользоваться им. Любой, кто знал, где он лежит. Или депутат первый достал оружие в ходе ссоры, но противник оказался проворнее. Так кто же еще провел здесь выходные?

– Еще отец пригласил Костю Корастылева, это его помощник в бизнесе, доверенное лицо. Костя привез с собой смазливую актрисочку Наташу. Вот и вся компания. Еще охранник и домработница, которая подавала на стол.

Итак, подведем итог: восемь гостей, дочка хозяина и два человека из прислуги. Более десяти подозреваемых. До Нового года с этим делом вряд ли управиться. Опять жена Вадима останется без подарка, в лучшем случае он ей свою зарплату в конвертике преподнесет.

– Елена Анатольевна, а вы слышали выстрелы? – спросил следователь.

– Нет, – вздохнула она. – Но это и неудивительно. Наши соседи полночи запускали фейерверки. Они с размахом отмечали Рождество, как в Европе. Так что здесь была настоящая канонада...

Жене Векшиной вдруг остро захотелось закурить. Тонкую длинную сигарету. И изящно выпустить дым. И стряхнуть пепел в дорогую пепельницу. И рассеянно посмотреть в предрасветные сумерки за окном.

Разве не так ведут себя любовницы богатых и красивых, хотя и женатых, мужчин? Сидят в роскошном интерьере, закинув одну загорелую стройную ножку на другую, и курят, глядя в ночь. Стильно и немного нервно.

Смешно! Она же не курит и не умеет быть изящной. Вот нервной – сколько угодно. И даже брюки не скрывают, что ноги у нее не стройные и не загорелые. Да и все остальное в том же стиле. Женя не была ни худой, ни толстой, ни смазливой, ни уродливой. Она была обыкновенной. Но красивый, богатый любовник имелся в наличии. Неожиданно даже для нее самой.

Их свели чрезвычайные обстоятельства – расследование убийства. Иначе с Ильей она никогда и не познакомилась бы. Хотя они и работали в одном административном здании. Только Илья – начальником, а Женя – одной из нескольких тысяч его подчиненных. Он никогда не обратил бы на нее внимания, если бы не убийца. Так что Женя должна быть как бы благодарна злодею. Она слышала, что в стрессовой ситуации люди совершают поступки, которые сами от себя не ожидали. Могут не есть двадцать дней, или поднять грузовик, или завести интрижку с кем-то неподходящим...

Хотя, если честно, Жене не очень-то хотелось выяснять, почему у самой заурядной девушки оказался не любовник, а мечта. Это все равно что, выиграв в лотерею, изводить себя вопросами: с чего это мне так повезло? Никогда не везло и вдруг... И чем я это заслужила?

Не лучше ли пойти и потратить свалившийся с неба миллион? Вот и Женя чувствовала себя так, будто выиграла в лотерею. И даже больше чем миллион...

Одиночество давно стало ей привычно, как утренний кофе с привкусом горечи. Хотя она не была ни некрасивой, ни глупой, ни странной. Просто незаметной. Люди с ней не разговаривали без особой необходимости. Сначала одноклассниц, а потом и однокурсниц парни наперебой приглашали в кино, провожали до дому, носили портфели. А у Жени словно не было учебников, хотя вообще-то она читала гораздо больше других, даже несколько лет проработала в библиотеке.

Те же, кто разговаривал, почти сразу начинали ее поучать. Будь проще – и к тебе потянутся. Не строй из себя недотрогу – глядишь, кто-нибудь скинется. Папа с мамой уже присмотрели ей выгодную партию. Начальника спецчасти в колонии строгого режима. Их строгий режим не пугал, зона для них дом родной, где прошло много лет трудового стажа. Папа дослужился до начальника колонии, так что начальник спецчасти был готов с Женей не только поговорить. Проторенная дорожка. Старшая сестра Жени уже выскочила замуж за сотрудника колонии и теперь живет не хуже других: муж, дети, уверенность в завтрашнем дне. А у Жени была уверенность только в ее одиночестве. Но теперь все изменилось. Теперь у нее есть Илья.

Хотя скорее это она есть у него. Женя так и не освоилась с ролью любовницы богатого и красивого, хотя и женатого, мужчины. Она не выбирает ресторан, где они будут ужинать, не требует норкового мантио, не звонит и не дышит в трубку. Инициативу проявляет Илья. А Женя просто живет в ожидании того мига, когда она ему понадобится. Если честно, это бывает не так уж часто. Раз-два в неделю. Но это настоящее богатство по сравнению с ничем!

Илья Болотов – человек занятой, вице-президент крупного металлургического предприятия. Он ведь не только ее любовник, он ее босс, а она рядовая сотрудница его пресс-службы. На многое Женя и не рассчитывала. Когда он три дня назад огорошил ее известием, что едет на уик-энд в загородный дом своего тестя, она решила, что это конец. Обед в кругу семьи, плавно перетекающий в романтический ужин наедине с супругой...

Но удивилась еще больше, когда Илья попросил ее поехать с ним. Любовниц не знакомят с родителями. Тем более с родителями жены. Это все равно как шпиону перейти на родной язык или ресторатору накормить санитарного врача яичницей с сальмонеллой. Правда, здесь особый случай. Илья Болотов с самого начала не собирался скрывать от жены, что спит с Женей.

– Это вы нашли труп, Мария Игоревна?

– Да, только меня зовут Мария Николаевна. Лучше просто Маша.

– Но вы ведь дочь Игоря Петровича Болотова?

– Приемная дочь.

– Извините.

– Ничего, вполне простительная ошибка.

Сама любезность, хотя Вадим видит, как трясутся ее руки. Да, везет ему сегодня на хороших взволнованных свидетельниц. Маша тоже красавица блондинка, как и Лена. Только та – яркая женщина-вамп, а эта – небесное создание с огромными голубыми глазами.

– Расскажите, как вы обнаружили труп?

Девушка почему-то мучительно покраснела, а потом словно бросилась в холодную воду:

– Я зашла в спальню к Анатолию Федоровичу. Мы так договорились, он должен был ждать меня. Но когда я открыла дверь и вошла, он был уже мертв. Лежал на постели, в луже крови и мозгов. Выстрел в голову, видимо в упор. Раны на теле. Пистолет валялся на полу.

– Как далеко от кровати? – уточнил следователь.

– Довольно далеко, почти у двери. Только сначала я его не заметила. Свет горел неярко, свет от лампы у кровати.

– Какие у вас были отношения с Анатолием Федоровичем? – бесцеремонно поинтересовался Вадим.

– Ну, мы... – Она начала говорить и запнулась. Потом все-таки расправила плечи и гордо вскинула голову. – Понимаете, я знакома с ним давно, через родителей. Только сегодня будто взглянула на него другими глазами. Он – привлекательный. Ну как мужчина. Богатый и властный. Это классно!

Приехала в гости с молодым парнем и запала на старикашку? Странно, Маша Болотова вовсе не выглядела хищницей. Хотя в тихом омуте...

– Вы поссорились с вашим парнем? – догадался следователь. – И переключили внимание на другого?

– Нет, с Сережей мы не ссорились. Мне просто захотелось флирта. С вами такого не бывает? – Она посмотрела на него с вызовом.

Почему ему кажется, что она играет чужую роль, которая больше подошла бы Елене Болотовой? Но та как раз – просто кошечка, влюбленная в собственного мужа. Сериал! Хотя лучше так, чем чисто конкретные братки или алкоголик-папаша, выбросивший с пятого этажа новорожденную дочку. Того допрашивать было мукой, единственное словосочетание, которое он выговаривал без ошибок, было «Во, блин!». Но это дела прошлые. Переданные в суд. Здесь же до суда как до Пекина.

– Мария Николаевна, у вас с Сергеем в особняке была одна комната на двоих?

– Да. Ужин закончился после полуночи. Все разошлись. Я подождала, пока Сергей уснет, и пошла к Анатолию Федоровичу.

– Вашему парню наверняка не понравилось, что вы строите глазки хозяину дома. Он не пытался поговорить об этом с вами или с ним?

– Воспитывать меня бесполезно, – хмыкнула Маша. – Общался ли Сергей с Анатолием Федоровичем, я не знаю.

– Но после полуночи и до того времени, как вы отправились в чужую спальню, вы с Сергеем были вместе?

– Сергей выходил куда-то, наверное поговорить с Ильей. Они друзья.

И подозреваемые...

– Когда вы в последний раз видели Фроловского живым? – как можно более официально спросил следователь.

– За ужином. В тесном семейном кругу, – ответил Сергей Турбин.

– По-моему, хозяин дома был не прочь сблизиться кое с кем еще больше...

– Тебе бы в желтой прессе, а не в следственном комитете работать, Вадим.

– Сам подумай, Сергей, богатый старикашка, молодая красавица, ревнивый жених. Что бы тебе подсказало твое оперское чутье?

Они знали друг друга не один год. Когда в производстве Вадима Уфаева были еще не особо важные дела, Сергей работал опером. Теперь они оба пошли на повышение. Уфаев – в «важняки», Турбин – в начальники службы безопасности металлургического гиганта.

– Тебе же не понравилось, что этот пенсионер кадрит твою девчонку? – напрямик спросил Вадим.

– Вообще-то это она его кадрила, – вздохнул Сергей. – Знаешь, она просто играла, выпила лишнего и разошлась. Маша иногда любит выпендриваться. Я не думаю, что между ними было бы что-то серьезное.

– Женщина в три часа ночи приходит в спальню к мужчине, чтобы поиграть?

– Вадим, это очень старая и запутанная история. Уверяю тебя, тут дело не в любви, скорее уж в ненависти.

– Говори, кладезь информации.

- Хорошо, но это будут оперативные сведения, не для протокола.
- Как получится.
- Я серьезно, Вадим. Я ничего не подпишу.
- Я понял, Сереж.
- Маша никогда не стала бы спать с Фроловским, потому что тот убил ее родителей.
- То есть?
- Ну не сам убил, конечно, а заказал. Они стали разменной монетой в одной его крупной сделке. Большие деньги, как известно, не ангелы получают в бухгалтерии рая.
- Значит, твоя девушка не развлекаться со старикашкой собиралась, а прикончить его, чтобы отомстить за родителей?
- Маша никого не убивала, – ни секунды не сомневался Сергей.
- Но посторонних в особняке не было, – напомнил Вадим.
- Мое оперское чутье, гражданин начальник, тут кое-что нашептало.
- И что же?
- Стрелок-некрофил. Слышал про такого?
- Серийный убийца? – уточнил Вадим.
- Он самый, – кивнул Сергей. – Все его жертвы убиты выстрелом из пистолета в голову. А потом он ждет, когда труп сделается холодным, и снова использует его как мишень. Причем не просто так палит, а чтобы на теле получился крест. Я видел труп Фроловского. Почерк совпадает...

Глава 2

Женя не слышала выстрелов, не видела труп, но ощущение непоправимой беды буквально витало в воздухе.

Женя почти не знала Анатолия Федоровича. Вчера увидела его впервые. И он, естественно, не обрадовался такой гостье. Он недавно потерял сына: парень покончил с собой. И естественно, дочь стала ему вдвойне дорога, а Женя явно мешала благополучию Елены Болотовой. Хотя она не прикладывала к этому никаких усилий. Женя не соблазняла Илью, толком и не знала правил обольщения. Он сам почему-то решил быть с ней. Может быть, потому, что она так не похожа на его жену?...

Это был не обычный адюльтер. Илья Болотов завел любовницу не потому, что жена надоела, не для коллекции, не потому, что не мог пропустить ни одной юбки. Илья был слишком хорошо воспитан. Интрижки на стороне его никогда не привлекали. Но он не простил жене историю с Борисом.

Борис – для Лены родной брат. А для Ильи – наркоман и психопат. Много лет назад он посадил на иглу Машу. Не ту, что обнаружила сегодня мертвым хозяина дома и теперь вынуждена объясняться со следователем, а родную сестру Ильи. Ее тоже звали Машей. И она умерла. Из-за наркотиков и Бориса. Тогда же погибли и родители другой Маши. И Болотовы удочерили ее. А Бориса заперли в психушку. Однако недавно он сбежал оттуда. И пришел к Лене. Та дала ему денег, а не вызвала санитаров. И он натворил много бед, пока не покончил с собой. Для Лены Борис – брат, для Болотовых – чудовище. В конце концов, это противоречие оказалось непреодолимым.

Однако этот уик-энд мог все изменить. С этой целью он, скорее всего, и задумывался. Анатолий Федорович хотел видеть дочь и ее мужа вместе. Хозяин дома был необычайно любезен с Ильей, а на Женю даже не смотрел. Словно папаша, который не одобряет новую игрушку сына, но не отбирает ее со скандалом, а ждет, пока ребенку самому надоест. Хотя, если вспомнить Бориса, педагог из Фроловского плохой.

Женю спасло то, что компания собралась отнюдь не самая теплая. Если бы все были заодно, а она против них, не помогла бы даже рука Ильи – теплая и надежная. Он привел ее в этот дом именно за руку. Женя же ощущала себя маленькой девочкой, случайно попавшей на утренник к большим детям, которые ей не рады и мечтают выставить вон. Но у этих детей оказались свои сложные игры, поэтому на Женю почти не обратили внимания.

Мужчины обсуждали политику, бизнес, рынки сбыта. Мать Ильи и его жена говорили о новой коллекции одежды в бутике Труссарди. Женя же старалась держаться поближе к Сергею и Маше. Сергей был почти «свой» – его рабочий кабинет располагался на одном этаже с Жениным. Сестра Ильи Маша – единственная из здешних дам, кто смотрел на Женю, а не сквозь нее. И даже сама подошла к ней с бокалом шампанского, попыталась включить в общую беседу.

– Труссарди – это не только линия одежды. Семейю итальянских дизайнеров преследует злой рок. Сначала на своем «мерседесе» разбился Николо Труссарди. А через четыре года на огромной скорости врезался в столб гоночный «феррари» его старшего сына. – Маша сообщила эти сведения Жене достаточно громко, чтобы услышали и остальные.

Хотела показать, что ее интересуют не шмотки, а люди? Или прицел был более дальний? Болотовы потеряли дочь, Маша – родителей, Фроловский – сына. На этой странной вечеринке намеки на «семейное проклятие» прозвучал как-то особенно зловеще. Лена Болотова вздрогнула и побледнела.

Но потом все еще выпили и отпустили тормоза. Маша почему-то стала танцевать с Анатолием Федоровичем, Елена предприняла марш-бросок в сторону Ильи. Подошла, заговорила тоном трагической героини, смиренной и несчастной:

– «Злой рок». В доме повешенного не говорят о веревке... После похорон Бориса отец загремел в больницу. Я вдруг поняла, что осталась совсем одна. И все думаю, в чем моя вина? Как я вовремя не заметила, что брат болен, что он опасен? Ты считаешь, я могла что-то изменить? Это сводит меня с ума...

Илья ответил то, что она хотела услышать:

– Никто не виноват, кроме самого Бориса. Но он теперь наказан. Не надо больше об этом...

Женя слышала этот разговор и отчетливо поняла, что Илья и Лена снова будут вместе. Все-таки их многое связывает. Они столько лет прожили в браке, пока Борис не сбежал из закрытой клиники и не поссорил Лену с мужем. Хотя она действительно не виновата. Братьев не выбирают. Даже закон разрешает не давать в суде показания против близких родственников.

Когда позже Женя проснулась среди ночи и не обнаружила рядом мужчину своей мечты, она едва удержалась от того, чтобы отправиться искать его в спальне Лены. Правда, Женя рисковала заблудиться на трех огромных этажах. А если бы все-таки правильно выбрала маршрут и поймала голубков с поличным, то не знала бы, что с этим делать. Они муж и жена, а она кто? Но Женя очень не хотела узнать об их воссоединении последней. Нужно же как-то подготовиться. Прикупить носовые платки, натянуть бронежилет на сердце.

– Стрелок-некрофил? – Вадим Уфаев постарался вспомнить, что ему известно об этом персонаже из криминальной хроники.

Уже полгода сотрудники правоохранительных органов и журналисты гадают, кто он такой. Профессиональный наемный убийца или сумасшедший маньяк? В пользу первой версии говорит высокое положение его жертв. Он застрелил главу холдинга в лифте столичной высотки. Расправился с вице-мэром подмосковного города, когда тот приехал к себе на дачу. Убил неверную жену банкира, подкараулив ее в квартире любовника.

Однако способ совершения преступления больше подходит для злодеяний маньяка или религиозного фанатика. Преступника действительно отличает особый стиль. Смертельный выстрел в голову жертвы. И еще семь пулевых ранений в тело, которые образуют крест и из которых кровь не сочится, потому что стреляли уже в труп, а не в живого человека. Стреляли до последнего, восьмого патрона из магазина пистолета Макарова.

В спальне Фроловского та же картина. Только вместо «макарова» – «стечкин». Уфаев мог и сам выдать эту версию. Но был занят допросами. Анализом собранных данных он займется потом. Правда, стрелок-некрофил не пользуется оружием жертв, он приносит ствол с собой и где попало его не бросает. Но раз у погибшего оказался личный пистолет, почему бы не пустить его в дело? Правда, магазин «стечкина» рассчитан на двадцать патронов. Только вряд ли Фроловский собирался штурмовать дворец Амина и зарядил оружие под завязку...

– Сереж, ты на самом деле думаешь, что кто-то из гостей Фроловского – маньяк? – уточнил Уфаев. – Посторонних-то в доме не было.

Турбин лишь усмехнулся. Да все они тут с приветом. Или, если официально, со сложной судьбой. У каждого в прошлом свой скелет в шкафу, своя трагедия. А это психику не укрепляет.

– Нет, я не могу себе этого представить, – покачал головой Сергей. – Болотовы – владельцы металлургического гиганта. Корастылев – хоть парень и с темным прошлым, теперь солидный коммерсант, к его советам прислушиваются и Болотовы, и Фроловский. Да и охранник Анатолия Федоровича вряд ли по совместительству стрелок, который крестообразно дырявит людей. Но с чего ты взял, Вадим, что наш некрофил – маньяк? Я все же думаю, он – профессионал. А крест из пуль и ран – это что-то вроде подписи. Своеобразная реклама его криминального бизнеса. Он не из тех, кто подкарауливает в подъезде, палит, убегает, а потом его самого пускают в расход, чтобы он не сдал заказчика. Это – человек серьезный. Никуда не

торопится, выбирает такие места, чтобы не просто всадить пулю в висок, но и провести свой ритуал. Сильный пиар-ход...

– Раз он наемный убийца, значит, кто-то нанял его, чтобы убить Фроловского? – предположил следователь.

– Вот именно, Вадим. Этот кто-то мог быть и гостем дома. И открыть палачу дверь изнутри. Или же он проник сюда сам. Просто не оставил следов. Он же профессионал.

– Раздобыл ключи, узнал код сигнализации, подменил запись в видеокамере. Да просто Джеймс Бонд какой-то...

– У Фроловского хватало врагов и в бизнесе, и в политике. И все они серьезные люди, – напомнил Сергей.

– Я все же думаю, что искать нужно внутри, а не снаружи, – покачал головой следователь. – Кто-то из гостей или сам убил хозяина дома, или помог наемнику попасть в спальню жертвы.

Конечно, Женя не ревновала Илью к жене. Ревность – вообще прерогатива жен, а не Жень. Чтобы ревновать, нужно вдруг перестать чувствовать себя единственной, Женя же и не начинала.

Просто Илья Болотов не из тех, кто ходит налево. Трудно себе представить, чтобы он назначал свидания в пельменных, боясь в дорогих ресторанах встретить знакомых, чтобы он возвращался домой к жене, пряча в кармане трусики любовницы.

Он из тех, у кого рубашка всегда идеально выглажена, а «мерседес» только что из мойки. Он уверен, что дверь существует, чтобы ее придерживать перед дамами, а законы издают, чтобы их исполнять.

Илья не станет встречаться одновременно с двумя женщинами. Если он помирится с женой, Женя сразу же станет его прошлым. Немного пошлым. Иначе, наверное, и не бывает, если ты встречаешься с женатым мужчиной.

Женя не ревновала Илью к жене, просто боялась его потерять. Но ей и в голову не приходило, что ночное отсутствие Ильи в их комнате может иметь совсем другой смысл. Женя просто оторопела, когда следователь спросил ее:

– Илья Болотов с полуночи до трех часов ночи находился рядом с вами?

Он смотрел на нее так, будто видел насквозь. А она никогда не умела лгать. И даже когда бесцеремонные одноклассницы при случайной встрече лезли с вопросом: «Почему ты до сих пор не замужем?», едва удерживалась от того, чтобы честно признаться: «Да не берет никто».

Но следователя волнует, конечно, не то, с какой из женщин Илья Болотов провел эту ночь. Его интересует, не почтил ли он своим присутствием спальню убитого хозяина дома. Женя неожиданно для себя стала алиби Ильи.

Не станет она рассказывать посторонним, как он ушел от нее среди ночи. И о своих подозрениях. О ревности, которая всего лишь страх его потерять. Ну это же смешно! Он не способен никого убить, он для этого слишком вежливый.

– Илья был со мной, – стараясь не покраснеть, ответила Женя. – Он был рядом, когда я засыпала. Он был в комнате, когда нас разбудили голоса Маши и Елены Анатольевны.

– Значит, вы спали и точно знать не можете, – заметил Уфаев.

– Я точно знаю, что Илья не имеет никакого отношения к тому, что случилось с Анатолием Федоровичем. – Здесь ей лукавить не пришлось.

– Фроловский – его зять. Елена Болотова – единственная наследница, – вслух размышлял следователь.

– Это ни о чем не говорит. У Ильи и без того есть деньги, – напомнила Женя.

– Есть и другие мотивы для ссоры, выяснения отношений и, возможно, убийства. Например, вы.

– Я? – охнула она.

– По-вашему, тесть будет рад видеть рядом с зятем кого-то, кроме собственной дочери? – хмыкнул Уфаев.

Странно, что эта девушка разыгрывает святую простоту. Если бы у нее была модельная внешность, Вадим решил бы, что это классический случай: волосы и ноги длинные, ум короткий.

– Если бы тестю это действительно очень не понравилось, простреленная голова оказалась бы у меня, – ответила Женя совсем не как модель.

Это намек, что Фроловский и есть главный злодей? Что ж, оперативная информация подтверждает, что свое состояние и политический вес Анатолий Федорович приобрел не брезгуя ничем.

– Илья Болотов на роль преступника не подходит! – отрезала Женя.

Ее возмутило, что этот человек, который совершенно не знает мужчину ее мечты, берется судить о нем. Для него Илья не умный, тонкий, безумно обаятельный парень, а еще один подозреваемый. Вот если бы он пообщался с ним поближе, такое не пришлось бы ему в голову. Женя была уверена – в Илью невозможно не влюбиться.

Вадим рассматривал свидетельницу с явным интересом. Видимо, пытался понять, как эта с виду обычная девчонка смогла обставить Елену Прекрасную. Одета в голубые джинсы и нежно-сиреневую рубашку. Следователю невдомек, что еще недавно такая цветовая гамма была слишком смелой и яркой для грустной девушки Жени, которая любила темные свободные брюки и свитера, стараясь в них спрятаться, потеряться, хотя никто ее особенно и не искал.

Теперь она отвезла маме свой старый гардероб и потратила пару зарплат на создание нового. Конечно, ей никогда не стать красавицей, но и замарашке не место рядом с Ильей. Пришлось осваивать каблуки, обтягивающие вещи. Оказалось, у нее хорошая фигура, тонкая талия, неплохой бюст. Если поярче подкрасить глаза, подстричь волосы модными разноуровневыми прядками, в зеркале увидишь нечто даже симпатичное.

Но до дорогих дизайнерских костюмов Елены Болотовой, золотых украшений с бриллиантами и парфюма, купленного непосредственно в Париже, Жене очень далеко. А главное, ни за какие деньги не купить взгляд женщины, уверенной в своей привлекательности, взгляд жены Ильи Болотова.

Женю вдруг прошиб холодный пот. Если Илья все-таки был ночью со своей женой, ни он, ни Лена не будут этого скрывать. Получится, что Женя – лжесвидетельница. Но даже если ее за это накажут по всей строгости закона, это не самое худшее...

Восемь пуль – все, что нужно, чтобы превратить место обитания в место преступления. Всем хотелось его скорее покинуть. Но их попросили остаться до тех пор, пока не закончатся допросы. А они казались нескончаемыми.

Илья Болотов, ответив на формальные и не очень вопросы, зашел на кухню особняка. Улики и информацию собирали в других помещениях. Здесь можно было поговорить без формальностей. С Сергеем.

– Стрелок-некрофил? Ты это серьезно? – Илья попытался справиться с кофеваркой, нажав какие-то кнопки.

– А что, было бы лучше, если бы я заявил, что у всех и каждого в этом доме был свой мотив прикончить нашего покойничка? – Сергей Турбин сидел на высоком табурете за столом-стойкой, предоставив своему другу и боссу возможность сварить кофе на двоих. – Твоя семья никогда не простит Фроловскому грубых ошибок в воспитании сына. Я уж молчу про то, что он сделал с родителями Маши. Конечно, меня тошнит от того, как этот старикашка пытался лапать мою девушку. Или возьми Костю Корастылева – вроде бы верного пса Фроловского. Тот его из бандитов в коммерсанты двинул. Однако сегодня пес явно был готов облаять

хозяина. А может, и в глотку вцепиться. Уж не знаю, какая кошка между ними пробежала и чего намяукала. Ты заметил между ними напряжение?

– Нет, – покачал головой Илья. – Мне своих вольт хватает.

– Да уж, это надо было додуматься привезти сюда Женю! – то ли с восхищением, то ли с неодобрением хмыкнул Сергей.

Его на самом деле восхищало такое пренебрежение условностями, ведь обычно Илья делает все по правилам. Но доведет ли все это до добра? Шеф мог не замечать напряжения, но его друг и начальник службы безопасности обязан работать вольтметром.

Во взгляде Елены Болотовой было не меньше свинца, чем в обойме «стечкина». А свинца там много...

– По здравому размышлению нам всем вообще тут нечего было делать. Но Анатолий Федорович так настаивал. – Илья поставил на стол две чашки кофе и сел рядом с другом.

– Наверное, для дочки старался. Елена Прекрасная соскучилась по любимому мужу и хотела сказать ему это лично, а не по телефону.

– Слова уже давно не имеют значения, Сереж. Поэтому я и взял с собой Женю. Зачем тратить время на объяснения? И так все ясно.

– То есть ты готов поставить точку? Подать на развод? – прямо спросил Сергей.

– Это неуместный вопрос. Во всяком случае, перед похоронами, – вздохнул Илья. – Все здорово осложнилось.

– Понятно, – протянул Сергей, прихлебывая кофе. – Отставить рубить концы! Ты же не бросишь в беде женщину. Да еще такую красивую. Да еще ту, с которой прожил столько лет. Значит, реанимация вашего брака еще возможна. Сочувствие от слова «чувства»...

– Лене действительно сейчас нелегко. Кстати, она единственная, у кого нет мотива. И чьи слезы на похоронах будут искренними.

– Кто знает? – не согласился Турбин, помня оперской закон: чем глубже копнешь, тем больше нароешь. – Двадцать процентов акций твоего завода в наследство – это не мотив? Анатолий Федорович так и остался в доле, хотя и без контрольного пакета и решающего голоса в совете директоров. В любом случае это миллионы долларов прибыли и возможность диктовать свои условия. И тебе, Илья, придется прислушаться к словам собственной жены. Ты прав, смерть Фроловского все здорово осложнила...

Лена вовсе не хотела подслушивать. Ей просто тоже требовался хоть какой-то допинг, чтобы протянуть до рассвета. Самая длинная ночь в ее жизни. Невыносимо длинная.

Лена отправилась на кухню особняка, где несколько часов назад стала полновластной хозяйкой. Услышав негромкие голоса мужа и Сергея, она остановилась у двери. Впрочем, ничего нового для себя из их беседы она не узнала. Лена и так не сомневалась, что у Ильи хватит воспитания не заговаривать на поминках о разводе. Она была в курсе завещания отца. И того, что Сергей ее недолюбливает.

Хотя, конечно, ей все это не понравилось. Лена не привыкла стоять за дверью, ловить чужие реплики, решать, расстраиваться еще больше или нет. Она привыкла быть главной героиней. А эта ситуация некрасива и негламурна. Конечно, Лена расстроилась. Ведь все могло быть иначе.

Печаль придает выразительность взгляду, а черный цвет ей всегда был к лицу. Она ждала соболезнований от чужих и поддержки от своих. Особенно от Ильи. Он должен быть с ней. И будет с ней. И вовсе не из-за акций. Деньги – это пошло. Для Ильи они никогда не были главными.

В спальне убитого отца Лена увидела другое, более действенное оружие – суперклей, который непременно склеит их брак.

Глава 3

Людмила Болотова стояла у двери между спальней и гостиной и почти так же, как ее невестка, старалась расслышать, о чем следователь говорит с ее мужем.

Фроловский всячески подчеркивал, что они дорогие гости в его доме, поэтому отвел Болотовым не одну комнату, а отдельные апартаменты. Спальня, гостиная, ванная.

Подкуп. Шантаж, если не удался подкуп. Заказное убийство, если не удался шантаж. Фроловский – типичный представитель эпохи первоначального накопления капитала. Но потом он стал им лучшим другом, предупреждал любое желание, заглядывал в глаза с покаянным видом:

– Люся, я всегда буду помнить, как виноват перед тобой. Но Борис и мое наказание...

От ненависти до любви – один вздох. Последний вздох их дочери Маши.

Люся. Людмилу Ивановну ужасно злило это деревенское имя. Она старалась как можно реже пересекаться с «благодетелем». Почему-то они смогли вырастить хорошего сына, а он воспитал чудовище. Потому что якшался с бандитами и зарабатывал деньги, а с мальчиком даже не разговаривал.

Детьми занималась жена – не слишком приятная дама по имени Галя. Типаж – «из грязи в князи». Она выросла на рабочей окраине, а потом ей повезло: ее повысили до секретарши директора завода, где всю жизнь вкалывал ее отец. Шеф был в два раза старше секретарши и в десять раз страшнее ее официального жениха – такого же работяги. Но у него имелись другие достоинства – деньги и власть. И это притянуло девчонку магнитом. К тому же шеф оказался в разводе.

Галя в два счета забеременела от власти и денег и выскочила замуж за красивую жизнь. Другую жизнь, сытую, ленивую. Она считала, что, если кошелек полон, можно не напрягаться. Муж день и ночь вкалывает для того, чтобы она, сын и дочь ни в чем себе не отказывали.

За деньги Галя покупала все. Хорошие отметки для детей в школе. Гаишников, тормозивших ее за превышение скорости и вождение в нетрезвом виде. Но однажды она на полной скорости влетела в столб, и даже очень тугий кошелек не помог ей выжить. Галя погибла в тридцать восемь лет. Лена и Борис к тому времени выросли. И видимо, прониклись маминой философией: ни в чем себе не отказывать, за все заплатит отец. Борис не смог отказать себе в прихоти стать наркоманом и посадить на иглу дочь Болотовых. Она умерла, а его папа все уладил.

Людмила Ивановна не сомневалась, что, не будь он уверен в своей безнаказанности, все могло быть иначе. Борис просто избалованный дрянной мальчишка. Сломал машинку – купим новую, разбил стекло – вставим, избил одноклассника – ничего, бывает, все мальчишки дерутся, мы оплатим лечение. Нет, Анатолий Федорович сам создал и раздражил своего дракона.

Людмила Ивановна так и не смогла ему этого простить. Мало того, она часто думала об этом, не спала ночами. Все могло быть иначе. Все должно было быть иначе, если бы Фроловский стал нормальным отцом, а не «крестным». Эти мысли доводили ее до дрожи, до боли в сердце.

Но сейчас, когда этот человек был мертв, как и его выродок, ей наконец-то стало легче. Они лишили ее дочери, но и сами лишились жизни. Все правильно. Зло не должно оставаться безнаказанным...

По иронии судьбы Людмила Ивановна тоже стала женой нового русского. Однако больше ничего общего у нее с Галочкой не было. Она родилась в семье врачей, с детства занималась музыкой, училась в консерватории. Вышла замуж по любви и без дорогого платья. Жили как все, пока муж не дослужился до должности главного инженера завода.

А потом Анатолий Федорович, откупаясь от смерти Маши, озолотил Болотовых почти насильно. Он лез в политику, скандал с родным сыном требовалось непременно замять, и он отписал им контрольный пакет акций своего предприятия.

Людмиле Ивановне пришлось становиться важной дамой. Но она по-прежнему стриглась у той же парикмахерши и одевалась у той же портнихи, что и десять лет назад. Не из принципа, нет, просто костюмы хорошо сидели, а прически были к лицу.

Детей своих Болотовы никогда не баловали. Им доставалось и за тройки, и за неприличные слова. Зато на ночь были сказки и поцелуи, а летом – заплывы наперегонки в Черном море. У них была хорошая семья. И дочка хорошая. Маша не выбирала героин. Она просто влюбилась. В первый и в последний раз. Насмерть. Так, как можно влюбиться в семнадцать лет.

А тот, в кого она влюбилась, выбрал дозу. И для себя, и для нее.

Людмила Ивановна была довольна Ильей. Он вырос спокойным, уверенным в себе, воспитанным и тактичным. Мать не возражала, даже когда он женился на Лене Фроловской. Конечно, девушка тоже была немного испорчена, но, в отличие от Бориса, старалась измениться. Мать не могла не заметить, что Лена действительно влюблена в ее сына. Невестка со вкусом одевалась, умела себя вести. Они с Ильей хорошо смотрелись вместе. Жаль, что в последнее время у них что-то разладилось, но, возможно, это поправимо.

Людмилу Ивановну несколько удивил сын, явившийся в особняк Фроловского с незнакомой девицей. Девиц рядом с Ильей мать не замечала никогда. Рядом подобает находиться только невесте или супруге. Но Людмила Ивановна решила быть снисходительной, ведь в последнее время Илье пришлось нелегко. Каждый переживает стресс по-своему, достаточно посмотреть, что вытворяет Маша. Другая Маша, которая заменила им погибшую дочь.

Приемная мать устала напоминать ей о приличиях. Тем более девчонка выбрала партнера для своей игры явно не по зубам. Людмилу Ивановну тошнило от похотливой улыбочки хозяина дома. И до смерти Гали, а уж тем более после, Анатолий Федорович не пропускал ни одной юбки. Даже Людмиле Болотовой он иногда делал недвусмысленные намеки, за которые ей хотелось его убить. Застрелить. Снова и снова...

Нет, ничего страшного. Видимо, Маша просто решила позлить этого своего мальчика, Сергея. Она любит, когда кипят страсти, иначе ей скучно. Вот Илья более разумен и уравновешен. Мать хорошо знает своего сына и может не беспокоиться.

Теперь семья Фроловских сполна заплатила за свои грехи. Лене Людмила Ивановна зла не желала. Ее невестка – богатая наследница и осиротевшая дочь. Муж не должен бросать ее в такой тяжелый час. Это по меньшей мере некрасиво. А Людмила Болотова не любила некрасивые поступки и некрасивых людей. Неказистый Анатолий Федорович вызывал у нее физическое отвращение. Хорошо, что Лена совсем не похожа на отца.

Однако смерть оказалась Фроловскому к лицу. Людмила Ивановна запомнит его не беспринципным коммерсантом и прожженным политиком, а человеком с простреленной головой и неожиданно спокойным, умиротворенным выражением лица. Уж она-то его разглядела во всех подробностях.

Было почти утро, когда Илья вернулся в их с Женей комнату.

– Следователь тебя терзал? – с явной тревогой в голосе спросила Женя, вскакивая с кровати со скоростью пожарного.

– Это было не больно, – невесело усмехнулся он.

Конечно, ведь Илья не убивал Анатолия Федоровича, а всего лишь провел ночь со своей женой. Это не преступление. Это катастрофа для Жени.

– Он спрашивал тебя, где ты был с полуночи до трех ночи?

– Да.

– И что ты ответил? – Ее тоже интересовало его алиби.

– Что был с тобой.

– Все время и каждую минуту?

– Конечно, пару раз я выходил. Имел непродолжительную беседу с хозяином дома. Насчет финансов Лены. Потом решил посмотреть, как дела у Маши. Я не сомневался, что у нее случится бессонница, – невесело усмехнулся Илья.

– А что случилось у Лены? – Женя все-таки не смогла прикусить язык, хоть и очень старалась.

– Женя, у нее умер отец. – Илья посмотрел на нее как на слабоумную.

Она тут же подтвердила диагноз:

– Лена очень расстроилась?

– Ну не так, как мы тогда, с Машей. – Видимо, он пожалел ее и постарался воспринять всерьез. – Но ей тоже нелегко.

– Ты, конечно, смог ее утешить. – Это был не вопрос, а утверждение. Типичное утверждение ревнивой женщины. Женя сама это услышала и тут же постаралась это как-то исправить. – Ты можешь все! – с непонятным энтузиазмом выкрикнула она.

– Спасибо, но ты преувеличиваешь, – холодно отозвался он. – Если честно, меня гораздо больше сейчас волнует Маша. С ней весь вечер творилось что-то неладное.

– Это можно понять. Ведь она знает, кто заказал ее родителей.

– Этого я и боюсь, – вздохнул он. – Многие знания – многие печали.

– Ты что же, подозреваешь, что Маша... Нет, это невозможно, – решительно заявила Женя. – Она совершенно не похожа на убийцу, она слишком милая.

– А кто, по-твоему, похож? – вновь усмехнулся он.

Вот поэтому, наверное, он с ней. Женя заставляет его улыбаться. А Лена – нет.

– Этот наглый Корастылев похож, – вполне серьезно начала рассуждать Женя. – И ты, прости, и твой отец тоже. Он сильный. И твоя мама сильная женщина, но она слишком воспитанная. А еще, опять прости, Лена. У нее плохая наследственность.

– Играешь в сыщиков?

– Нет, ревную, – честно призналась Женя. – Я знаю, у меня нет никакого права. Это просто глупо. Мы этого никогда не касались. Но я бы хотела... просто быть в курсе. Чтобы не как гром среди ясного неба. Скажи, ты и Лена...

– С любовницей неприлично обсуждать жену, – назидательно заметил Илья. Сел на кровать и, усадив рядом Женю, даже обнял ее. – Слишком много трупов вокруг, правда? – сочувственно произнес он. – Я-то надеялся, что хотя бы до Нового года никого не убьют.

Но ей уже не было страшно и тревожно. Ей не хотелось считать трупы, когда ее нос уткнулся в его плечо. Когда пахнет Илеей, его одеколоном и кофе, ей хотелось считать разве что поцелуи. Видимо, он пил кофе, борясь со сном, пока она думала, что он утешает Лену. Господи, как хорошо! А если он ее поцелует, будет еще лучше...

Игорь Петрович Болотов не любил врать. Поначалу и не умел. Заговаривать зубы налоговым инспекторам, уверять своих сотрудников, что у них копеечная прибыль и нет никакой возможности повысить зарплату, сваливать вину за не вовремя проведенный платеж на нерадивого бухгалтера. Это не про него. Хотя эти навыки необходимы каждому коммерсанту не меньше, чем секретарша, шофер, банковский счет и связи в администрации.

Конечно, в результате длительных тренировок появился некоторый навык, но выйти в высшую лигу богатых лгунов Болотову-старшему так и не удалось. Даже несмотря на то, что ему пришлось близко общаться с Фроловским – обсуждать дела, делить прибыль, улыбаться и жать руки. Хотя отчаянно хотелось наброситься и терзать. Как терзали его девочку Борис и героин. А потом взорвать, смести с лица земли, чтобы нечего было даже в гроб положить, как

поступили с его лучшим другом и женой лучшего друга, родителями Маши. Но нет, приходилось все время тренироваться во лжи и безразличии.

Однако иногда Игорь Петрович терял контроль. Как это случилось прошлым вечером, когда он увидел свою приемную дочь в объятиях этого старого козла. Они танцевали, и он гладил ее по спине. Квазимодо коснулся Эсмеральды. Минотавр готов сожрать очередную жертву. Старый дурак не видит, что вышел из возраста Казановы. Девушки смотрят на него только за деньги или... из ненависти. Игорь Петрович подозревал, что Маша в курсе, кому обязана своим сиротством. Кажется, девочка решила подразнить акулу. Отец не мог ей этого позволить, он должен вмешаться и предотвратить катастрофу. Эту Машу он Фроловскому не отдаст ни за какие заводы мира. Он вмешался и теперь вынужден врать перед следователем.

– Вечером мы обсудили с Анатолием некоторые коммерческие дела, потом я пошел спать. Мое алиби подтвердит жена, а я, соответственно, являюсь ее алиби.

– В этом и состоит прелесть семейной жизни, – понимающе кивнул следователь Уфаев.

В тот вечер в апартаментах убитого экс-депутата побывали, похоже, все гости. Маша, Елена, Игорь Петрович, Илья, Константин Корастылев своих визитов не скрывают, чего не скажешь о Сергее. Людмиле Ивановне, подругам Ильи и Кости там вроде бы делать было нечего. Хотя они тоже имели возможность заглянуть на огонек, потому что дом слишком большой и все по нему постоянно перемещаются.

Вспоминая свои бесконечные разговоры со свидетелями, Уфаев решил, что почти у каждого есть мотив. Даже дочь Фроловского оказалась не так проста, как кажется. Экономка и охранник рассказали, что в последнее время папаша и дочурка часто и громко ссорились.

– Он называл ее никчемной, поминал ее брата, – скороговоркой выдала сплетню экономка. – Мол, ты такая же, как он. Займись делом, а не только маникюром или найди нормального мужика. Я стар, ты без мужа. Если со мной что случится, ты все деньги оставишь в магазинах и казино.

– А она что? – заинтересовался следователь.

– Мол, все против нее. Семейка сгубила ее чистую любовь с мужем. А она не только красивая девка, но и умная. И сможет вести дела и без папашки...

Вот так, даже у любящей дочери нашлась причина прикончить отца. Теперь она наследница и может жить и тратить как ей вздумается. Что ж, видимо, этот Фроловский сам виноват, что о нем никто не плачет...

Женя представила себя котенком, уютно свернувшимся клубком на коленях хозяина. Так оно, по сути, и было. Илья сидел на кровати, а Женя лежала головой у него на коленях, и он гладил ее волосы, шею, только что за ушком не почесал. Но она все равно почти мурлыкала.

Он думал о своем и одновременно о ней. О том, что ей неуютно и тревожно здесь. Иначе и быть не могло. Об этом нужно было беспокоиться до того, как пригласить ее сюда...

У самого Ильи чувства были смешанные. Он не станет скучать по отцу Бориса. Но с его смертью как будто сделан еще один шаг. С каждым днем Илья удаляется от той Маши все дальше и дальше. Забывается ее улыбка, притупляется боль. А он уже привык к этой боли. Он не знает, чем заполнить эту пустоту. Ну разве что котенком, который благодарно и преданно лежит у него на коленях. Он подумал о том, что с Леной подобное было немыслимым. Она всегда вела себя как взрослая, серьезная, очень красивая и очень сексуальная женщина. Как будто играла роль, выверяя по сценарию слова и поцелуи. А Женя не боится быть смешной, откровенной, детской. Хорошо ли это?

Если бы Людмила Болотова сейчас заглянула в их комнату, она, наверное, удивилась бы этой мизансцене. А Илье неожиданно понравилось. Просто сидеть, просто думать о своем и просто запутаться в Жениных волосах. Не словами, а тишиной, руками, дыханием говорить: «Все хорошо, все правильно, я с тобой!»

В дверь не заглянула мать, но все-таки постучали. Илья с явным сожалением поднялся, стряхнул с коленей своего котенка и пошел открывать.

На пороге маячила та, о которой он только что вспоминал.

Елена Болотова все равно не смогла бы заснуть в эту ночь. Горе, конечно, было выносимым. Отец стар, и рано или поздно это должно было случиться. Но она не ожидала, что это так сильно выбьет ее из колеи.

Черт побери, уже давно все идет не так, как надо! Почва как будто ускользала из-под ног, и каждый новый день приносил лишь новые неприятности. Незнакомое ощущение. Раньше ей приходилось переживать разве что из-за сломанного ногтя или туфель, которые оказались не слишком удобными. Конечно, однажды ее здорово расстроил Борис, но папа быстро все уладил. А в последнее время на нее ополчились два самых близких человека: отец и муж.

Леной почти никогда и никто не был недоволен. Часто она ловила восхищенные мужские взгляды и завистливые женские. Она всегда щедро платила таксистам, парикмахершам и массажисткам. Почти не строила глазки мужьям подруг и не обсуждала, во всяком случае громко, недостатки чужих женских фигур. Всего этого хватало, чтобы ощущать себя не только красивой, модной и успешной, но и вполне милой, славной.

Но с недавнего времени многое изменилось. Особенно злило Лену отношение отца. Она ведь была все, что у него осталось. А он, похоже, не понимал этого. Отец взялся ее попрекать, перевоспитывать, требовать невозможного. Неужели он не понимал, что она и так уже на грани? Он предал ее в тот момент, когда должен был поддержать. Лена возненавидела его за это. И приняла то страшное решение. Она вынуждена была поступить именно так, а не иначе. А сейчас должна выжать максимальную выгоду из произошедшего...

Вся эта история лишний раз убедила Лену, что в женщине главное – мужчина, который рядом с ней. Как только она оказалась без Ильи, многое потеряло смысл. Зачем покупать дорогое белье, если никто его с тебя не сорвет? Зачем делать маникюр, если никто не поцелует твою руку? Нет, какие-то мужчины вокруг нее были. У инструктора по фитнесу великолепная фигура. Но нигде, кроме постели, с этим парнем показаться, естественно, нельзя. Подруги не скроют сочувственных взглядов. Опустилась до жиголо, сколько ты ему платишь за любовь?

Нет, к настоящей женщине должен прилагаться успешный, богатый, умный, солидный мужчина. Такой, как Илья. Иначе она рискует оказаться той девушкой из светской тусовки, которая со всеми и ни с кем. Нет, она сделает все, чтобы Илья снова был с ней...

Лена не стала ждать до утра и постучала в его комнату на рассвете.

– Что-то случилось? – Илья вопросительно посмотрел на нее.

Как будто жена должна объяснять свое желание увидеть мужа.

– Илья, мне так плохо. Не могу поверить, что отца больше нет...

Конечно, он не кинулся ее утешать, ответил вежливо и сухо:

– Сочувствую. Тебе нужно принять успокоительное и лечь спать. Поговорим утром.

Он так и держал ее на пороге. Эта девка, видимо, голая в его постели. И он мечтает вернуться к ней. Господи, как противно. Лена выпрашивает внимание и поддержку у собственного мужа. Ну уж нет, она не позволит с собой так обращаться, она все изменит. Прямо сейчас.

– Это не может ждать до утра, – твердо заявила Лена. – Мы все решим сейчас. Вот, – она протянула ему руку и разжала ладонь, – это я нашла в кровати отца. И пока не знаю, кому это отдать – тебе или следователю.

На ладони Лены лежала сережка. Золотая, с капелькой жемчуга и тремя бриллиантами. Илья сразу узнал ее, потому что сам выбрал. В прошлом году в подарок Маше на день рождения.

Глава 4

Костя Корастылев не сразу понял, как сильно лажанулся. Предполагалось, что у Фроловского будет почти светский раут с важными разговорами у мужчин и красивыми платьями у женщин. Поэтому со спокойной душой пригласил с собой Наташу. Все светское вызывало у нее трепет на генетическом уровне. Ее бабушка происходила из дворянского рода. Да и сама она говорила, что пошла в певицы, чтобы петь романсы из тех времен.

Но как только гостя увидела хозяина дома, у нее изменилось лицо. И как выяснилось, необратимо. Костя не мог не заметить, что улыбается она принужденно, а сама сидит как на иголках. Почему? Ему было недосуг спросить. У самого Корастылева имелись дела поважнее. В определенных кругах ходили упорные слухи о болезни Фроловского и о том, что ему вот-вот понадобится преемник. У Кости имелось достаточно оснований претендовать на это место. Правда, на прямой вопрос босс своему помощнику так и не ответил. Но распорядился продать все свои легальные и не очень доли в различных предприятиях.

– Мне больше не нужны акции, голоса в советах директоров, влияние. Все это шелуха, Костик. Нужны деньги и еще раз деньги.

– А «Чугунмет»? – спросил осторожный Корастылев, зная особое отношение Фроловского к металлургическому заводу.

– «Чугунмет», как всегда, не трогать, ты же знаешь. Это для меня заповедник. Мои двадцать процентов останутся у Лены, я уже сделал необходимые распоряжения. Этот подарок ей сейчас, как никогда, кстати. Будет чем Илью к стенке прижать. Вернее, к супружеской постели. А то он что-то хвост распустил не в том направлении. Нет, «Чугунмет» – это семейное предприятие.

Костю поначалу здорово изумлял такой расклад. После акционирования Фроловский единолично владел металлургическим гигантом, а теперь имеет лишь пятую часть доходов. Между тем чугун исправно гонят на экспорт, и прибыли там немаленькие. Это вам не фирма по стрижке пуделей и не отмывание денег в офшорах. Это серьезное предприятие, с традициями. Оно уже существовало, когда не было ни бизнеса, ни офшоров, ни Кости. Да еще расположено не где-нибудь за Уральскими горами, а всего в двухстах верстах от столицы.

Но потом он узнал историю про Бориса и Машу и удивляться перестал. Конечно, дорого обошелся Федоровичу единственный сын. С другой стороны, на то и деньги, чтобы тратить.

Честно говоря, Костя здорово завидовал сыну Анатолия Федоровича. С ним никто и никогда так не нянчился. Он, что называется, парень из низов и всего добивался сам. И конечно, не в белых перчатках работал. Зато теперь у него есть все, что нужно, что раньше он лишьтпо телевизору видел. К Новому году Костя подарит себе новый БМВ, а потом махнет с Наташкой на Бали. Наташка пока упирается, хочет стать второй Эдит Пиаф. Костя же не сомневался, что сделает из нее свою первую жену. А может, и последнюю.

Ему особенно было приятно, что к ее совершенному телу и смазливому личику еще и мозги прилагаются, и честолюбие, и высшее образование, и воспитание бабушки-дворянки. Не девушка, а находка. Жаль, что с ней и с Фроловским так неприятно получилось. Но кто же знал...

– Константин, я так понял, что после смерти Фроловского заправлять его делами станете вы. – Следователь смотрел на Корастылева вопросительно.

– Его деньги принадлежат семье. А я – наемный служащий, – скромно ответил Костя.

А про себя подумал, что все эти банкиры и заводчики теперь поубавят гонору и станут советоваться с ним. Не прав был Федорович насчет «все продать, лишь деньги оставить». Власть – это тоже хорошо. Острая приправа к деньгам.

– То есть Елена Болотова может вас уволить? – продолжал допытываться Уфаев.

Не уволит она его, потому что не захочет знать, кто чья «крыша», кто кому должен, не станет напрямую с уголовниками якшаться.

Нет, Ленка будет получать свои проценты и брать деньги со своих счетов. А разборки и сферы влияния – это Костина забота.

– Елена Анатольевна вряд ли будет вести дела сама, женщина все-таки...

– То есть смерть Фроловского лично вам принесла выгоду? – не стал ходить кругами Уфаев.

– С одной стороны – да. С другой – это головная боль. У Анатолия Федоровича были свои связи, а мне еще придется убеждать их работать со мной.

Убедятся, никуда не денутся. Будут сильно упрямиться, он вспомнит о своих талантах взрывотехника. Хотя нет, время сейчас не то. Все пиджаки надели, и уже не малиновые. Часы с брелочками вместо золотых цепей. Солидными стали. Не будет никакого передела. Костя – уже давно правая рука Федоровича, и все, кому нужно, об этом знают. Правда, в последнее время Корастылев работал и на Болотова. Но это была временная мера. Во-первых, готовился совместный большой проект, а во-вторых, Косте понадобилось месяца на два убраться из столицы. Крепко на него обиделся один политик, с которым он поговорил без должного политеса. Федорович сделал вид, что отправил помощника в провинцию в ссылку, а сам хвалил за рвение. У него самого этот политик в печенках сидел. Денег просит, а пробивать через свою фракцию нужные поправки не торопится...

– Где вы и ваша подруга были после полуночи? – Следователь все лез со своими вопросами, мешал думать.

– Сначала я поговорил с Анатолием Федоровичем в его кабинете.

– Том, что примыкает к спальне?

– Да. А потом мы с Наташей были вместе. Надеюсь, понятно, что мы не в карты играли?

Промолчит Костя и о том, что особой страсти между ними в этот раз не получилось. Его девушка была не в настроении.

– Да ладно тебе, Наталья. Так и будем, что ли, лежать, как брат и сестра? – недоумевал Костя, пытаясь погладить ее грудь.

– Перестань, – отворачивалась она. – Все вы одинаковые, мысли только о постели. А я, между прочим, живой человек. У меня не только бюст, у меня чувства есть.

– С каких это пор ты со мной ничего не чувствуешь? – удивился он.

– С того самого мгновения, как оказалось, что Фроловский – твой босс, – с неприязнью бросила она.

– Подробности давай. – Костя перестал гулять по ее телу и сел на постели.

– Да был один эпизод. Из жизни наивной студентки консерватории, которая мечтала стать звездой эстрады. Звездная дорожка пролегла через постель спонсора. Угадай с трех раз, кто это был...

– Фроловский? – скривился Костя.

– Он самый. Знаток песен и плясок. У шеста. Но я ему отказала.

– И что? – Он уже знал, что ничего хорошего.

– Ничего особенного. Меня спустили с лестницы.

– Что?!

– В буквальном смысле. Я пересчитала ступеньки в этом самом особняке. – Она произнесла это так, будто такое случилось не с ней. Почти безразлично. – Сломала ребро. Еще легко отделалась.

– Фроловский толкнул тебя с лестницы? – Кулаки Кости непроизвольно сжались.

– Да нет, мой продюсер проучил за строптивость.

– А к Фроловскому какие претензии? Он что, сегодня пустился в воспоминания?

– Да, Костя. Сделал пару грязных намеков, но я его отшила. Приятный вечер, ничего не скажешь. А самое противное, что ты – один из них.

– Знаешь, я могу сделать девушке предложение. Она может его не принять. Бить не буду, – возразил он.

– Да, со мной ты вполне любезен. А если не со мной? Представь, какая-то девка – а других по определению на таких вечеринках быть не должно – отказывает тебе в большой и чистой любви, даже не заглянув в твой бумажник.

– Я предпочитаю свободных женщин, На-таль. Если дама пришла с другим, можно и нарваться. Поэтому в этот раз Фроловский вряд ли много от тебя ждал.

– Кость, он явно считает меня путаной. Раз ресторанная певичка, значит, путана. Да еще и дешевая. Дорогие хит-парады возглавляют.

– Наталья, не волнуйся, сейчас все иначе. Ты здесь не с продюсером, а со мной. И Федоровичу придется с этим считаться.

Костя давно уже не испытывал перед боссом благоговейного трепета. Сын здорово подорвал авторитет и здоровье Фроловского. Теперь Корастылев мог разговаривать с ним на равных. И неуважения к своей женщине он не потерпит.

Когда Сергей вошел в комнату, Маша стояла у окна и смотрела в темноту за стеклом.

– Ну что, воительница, все враги повержены? Можно успокоиться? – поинтересовался он.

– Вообще-то у меня другие планы, – откликнулась она неожиданно томным голосом.

Повернувшись, притянула Сергея к себе за пряжку ремня и забралась рукой ему под рубашку.

– Не знал, что чужая смерть тебя возбуждает, – усмехнулся он.

– Нужно убить дракона, чтобы жила принцесса, – беззаботно ответила Маша и лизнула его в ухо.

Он давно не видел ее такой. Обычно ей было все равно. Сергею приходилось прикладывать немало усилий, чтобы ее руки сосредоточились на пуговицах его рубашки. Она лишь позволяла себя любить. Сейчас все было иначе. Маша действительно была возбуждена.

– Ого! Значит, я влюбился в гейшу? – усмехнулся Сергей. – Или могу наконец-то почувствовать себя султаном? А ты – моя наложница. Да! Продолжай! Мне это нравится. Это заводит. Может, нам еще какую-нибудь красавицу в гарем пригласить?

– Замолчи! – велела Маша, закрывая ему рот кляпом из долгого поцелуя.

Ей не хотелось сейчас говорить. Только чувствовать, дышать, стонать. И наплевать, если услышат эти чужаки, что спуют по особняку и пытаются вычислить убийцу. Не получится! Это не убийство, а кара. Само небо покарало Фроловского.

Здорово, что на свете резко уменьшилось число подонков. Этот негодяй больше не чувствует себя королем мира, больше не пьет дорогой коньяк и не лапает женщин. Он – прах, ничто. А Маша будет жить и наслаждаться жизнью. Вот прямо сейчас. Пир во время чумы. Танец на его могиле. Страсть и удовольствие, ласки и стоны в доме, где он умер всего несколько часов назад.

Машу совсем не испугал допрос, хотя на некоторые вопросы она не могла ответить. Но ей даже понравилось разговаривать со следователем. Ведь сам этот разговор еще раз подтверждал: зло уничтожено. Фроловский умер, сдох, убит, застрелен. Как долго она его ненавидела! Никак не могла понять, как можно с такой легкостью распоряжаться чужими жизнями. Они были для него не людьми, а пешками в игре типа «Монополия».

А ведь их любили, в них нуждались, без них было невыносимо. Разве он хоть раз задумался об этом? Видимо, поздравлял себя. Смерть родителей Маши стала актом устрашения, после которого Фроловскому не смели перечить.

Все, его больше нет. А она есть! Ее ласкают, гладят, целуют. Любят! Как здорово, что рядом, как всегда, Сережка. Какой у него волнующий запах, не стариковский, плесневелый,

от которого она, как могла, уворачивалась, а настоящий, мужской. Какие сильные у него руки, сильные и нежные. Хочется, чтобы они исследовали ее всю. С кратким или длительным визитом побывали везде. Обычно она любила, чтобы Сергей медленно ее раздевал, но сегодня Маша была напориста. Она торопилась. Она хотела как можно скорее, острее почувствовать его тело, свое тело. Чувствовать себя бесстыдной и абсолютно свободной. Ощущать, что существуешь, что ты есть, что тебя хотят, любят. Прямо сейчас, прямо здесь...

Илья Болотов стоял на пороге своей комнаты в чужом доме и просчитывал варианты. Труп обнаружила Маша, на ее крик прибежала Лена. Маша утверждает, что близко пообщаться с Анатолием Федоровичем не успела. Только вошла, увидела, что он мертв. Однако сережка, ее сережка, лежащая на ладони Лены, эту версию опровергает. Если в постели Фроловского нашли сережку Маши, значит, своевольная девчонка пробыла у него в комнате много дольше. Возможно, он пытался ее изнасиловать, повалил на постель, а она его застрелила...

Нет, этого не может быть. Илья этого не допустит, даже в виде версии. Эту сестру он должен защитить. Или Маша была настолько пьяна, что по доброй воле легла в постель к старикашке? Тогда находка Лены испортит ее отношения с Сергеем. Этого Илья тоже не хотел. Нельзя, чтобы следователь, Сергей, отец и мать узнали, что их дочь потеряла сережку в постели Фроловского. Нельзя, ни при каких обстоятельствах. Это сейчас самое важное.

Илья посмотрел в глаза жены.

– Лена, отдай эту серьгу мне. И пожалуйста, никому не говори, где ты ее нашла.

Вот так. Она опять стала важным человеком в его жизни. Он опять смотрит на нее и говорит с ней, а не отмахивается, как от надоевшей мухи.

– Илья, я сделаю для тебя все, что захочешь. Я ведь люблю тебя. Конечно, я отдам тебе эту вещь. Конечно, я буду молчать о Маше. Но что я получу взамен? Я осталась совсем одна, Илья. И ты мне сейчас очень нужен. Я хочу уехать из этого дома с тобой, хочу вернуться в наш дом. Я хочу снова почувствовать себя замужем за тобой. Ведь мы хорошо с тобой жили. Поэтому, я многого прошу?

Он смотрел на нее и не понимал, что это – искреннее горе и мольба о помощи или хорошо просчитанная комбинация. Условие шантажистки или просьба несчастной женщины? Хотя почему он ее подозревает? Они так давно вместе, они столько вместе пережили, наверное, зря он был так категоричен, зря так разозлился на нее из-за Бориса. В конце концов, родственников не выбирают.

В последние несколько месяцев на Лену сыпались неприятности: самоубийство брата, убийство отца. Если прибавить сюда еще и развод, получится такой коктейль, который вряд ли сможет выпить до дна хоть одна женщина.

Он был слишком жесток с ней. Как будто забыл, что у него есть жена. Он вел себя недостойно. И по отношению к жене, и по отношению к Жене. Теперь все будет иначе. Он слишком увлекся новой для себя ролью – этакого Деда Мороза для бедной девушки, которая искренне радуется каждому подарку. Лену подарками не удивишь, но их связывает гораздо большее. «В горе и радости» они должны быть вместе.

– Лена, я должен перед тобой извиниться, – подчеркнуто вежливо произнес Илья. – Все, что случилось в последнее время, неправильно. Пойдем, я помогу тебе собраться. Мы едем с тобой домой...

Вот и все. Из тепла и уюта Женю выгнали на мороз. Дворняжке не место в роскошном особняке. Она знала, что это произойдет, но все же не успела подготовиться. Конечно, это был не совсем мороз, даже совсем не мороз, а натопленный салон такси. И в такой двусмысленной ситуации Илья остался любезным.

– Ты же понимаешь, я должен побыть с женой. Я вызвал тебе такси.

Видимо, Лене не терпелось отправить соперницу с глаз долой. И Илья с ней не спорил.

– Мы еще увидимся? – глупо спросила Женя, очень быстро превращаясь из обласканного котенка в побитую собаку.

– Я позвоню, – неопределенно ответил Илья, почти не глядя на нее.

Вранье, которое означало: я не хочу тебя обидеть, но мой ответ – нет. Они больше не будут вместе. Эта связь с самого начала была странной. А вот в том, что теперь она закончилась, ничего странного нет...

Женя очень быстро собралась и уехала из особняка. Она приняла правила игры. Не стала демонстрировать свои чувства, разве только смотрела на Илью так, будто собиралась опознавать его по фотографии лет через тридцать.

«Я хочу быть с тобой!» – крикнула она на прощание про себя.

– До свидания, – произнесла вслух.

Затем села на заднее сиденье автомобиля. Не любила место рядом с водителем, если за рулем не Илья. К нему хотелось быть как можно ближе, а с остальными – особенно незнакомыми, как этот плечистый коротко стриженный таксист, – нужна была дистанция.

Женя снова оказалась на обочине жизни. Пустая квартира, слишком большая кровать, вечера с телевизором, молчаливые выходные. Не хочу!

С того самого момента, как во время разговора с Леной у Ильи стал холодный, чужой голос, Женю бил озноб. Но в машине она довольно быстро согрелась и немного расслабилась. Предрассветные сумерки за окном, яркие рекламные щиты вдоль дороги, плавный ход хорошего автомобиля. Это успокаивало. Женя заставила себя перестать страдать и немножко подумать.

Хорошо бы понять, что все-таки произошло у нее на глазах. Хотя она больше слышала, чем видела. Но и аудио и визуально сцена, разыгранная между Ильей и Леной, не слишком-то напоминала воссоединение любящих супругов. Илья явно не обрадовался, когда открыл дверь жене. Женя слишком хорошо его знала. Сначала он хотел побыстрее отделаться от гостьи. А затем вдруг растерялся. Именно тогда его голос стал чужим и напряженным. Повисла пауза. И в конце эта убийственная вежливость. Нет, скорее всего, дело все-таки не в чувствах, а в сережке Маши, которую Лена нашла в кровати отца. Ради сестры Илья готов пожертвовать многим. Он хочет быть хорошим братом. Его так воспитали: быть хорошим сыном, братом, мужем. Но неужели Лене нужен брак не по любви, а из вежливости? Через шантаж?

Женя сама удивлялась своим мыслям. Еще пару месяцев назад она считала себя жалкой неудачницей, которую никто и никогда не полюбит. А теперь сомневается, что Илья может вот так запросто променять ее на свою красавицу жену. Еще пару минут назад ей было больно, но сейчас Женя почему-то не ощущала себя брошенной. Он буквально полчаса назад гладил ее волосы и рассеянно, как само собой разумеющееся, поцеловал в макушку. И что, и она сама, и ее макушка вдруг стали ему не нужны? Он неожиданно вновь вспылал чувствами к жене?

– Так что там случилось-то, девушка? – прервал ее мысли голос таксиста. – Милиции понаехало, еле к воротам пробился. Грохнули, что ли, кого?

– Я не в курсе, – попыталась отмахнуться Женя.

Никогда не разговаривайте с неизвестными...

– Зато я в курсе, – неожиданно зловеще заявил плечистый парень за рулем. – Грохнули хозяина дома. И я даже знаю кто. Стрелок-некрофил.

Жене снова стало холодно. Откуда у таксиста такие сведения? Это же не водитель Фроловского. Этого парня она видит впервые в жизни. Его не было в особняке. Он ждал ее в машине с «шашечками» у ворот.

– Вы не таксист, – внезапно охрипшим голосом пробормотала она.

– И как ты догадалась? – издевательски усмехнулся он.

Так кто же он? И куда ее везет?

Глава 5

Вадим Уфаев тоже позволил себе кофе на кухне особняка, сверкающей чистотой и новенькими агрегатами, о назначении половины которых он так и не догадался. Хорошо уже, что в его чашке плескался не привычный порошок из пакетика. Вадим подозревал, что в кофеварку вбухали, наверное, половину его зарплаты. «Не завидуй!» – оборвал он себя. Хозяину всего этого богатства уже не пить божественный напиток.

Следователь смаковал кофе, старался не завидовать и думал.

Итак, подведем итоги. Кто имел возможность убить господина Фроловского? Все, кто находился в доме. У кого были причины желать ему смерти? У всех, кто был в доме, исключая, наверное, прислугу. А может, не исключая, ведь следствие вряд ли в курсе всех темных дел и интриг.

У пожилой экономки вполне может оказаться смазливая дочка, приезжавшая погостить и удостоившаяся внимания старого развратника. Понравилось ли это матушке? Только в том случае, если развратник упомянул дочку в своем завещании, что сомнительно. Охранников же иногда банально перекупают конкуренты. Пусть опера отрабатывают и эти версии.

Так кто из них? Елена Болотова избавилась от папаша ради наследства. Илья, Игорь Петрович, Людмила Ивановна Болотовы – все вместе или каждый в отдельности – поквитались с Фроловским за его сына. Мария Болотова припомнила Анатолию Федоровичу все хорошее, что связано с ее родителями. Сергей Турбин любит Машу, а значит, тоже ненавидит Фроловского. Константин Корастылев явно не прочь занять освободившийся трон империи Фроловского.

Оставшиеся гости – Наталья Вяземская и Женя Векшина – вроде бы не имели причин для убийства, зато их любимые мужчины имели. Возможно, дамы решили им помочь. Подозревать нужно всех. А на кого-то конкретного должны указать улики.

Вадим уже давно мог бы уехать, необходимые следственные действия он уже провел. Узнал подозреваемых в лицо, выслушал то, что они хотели сказать. Теперь оперативники должны выяснить, о чем они умолчали. Связи, сплетни, предположения. Но Уфаев остался в особняке до утра. Ему нужно было дождаться начальства и с его согласия получить образцы для сравнительного исследования у всех подозреваемых.

Следы пальцев рук сразу сняли на месте происшествия – в спальне погибшего. Прокурор области и начальник следственного комитета прибыли в пять утра и сначала долго здоровались с Игорем Петровичем, Ильей Болотовыми и Константином Корастылевым, говорили какие-то слова дочери покойного. И лишь после этого минут десять уделили следователю.

В полшестого у хозяйки особняка, гостей и прислуги сняли отпечатки пальцев для сравнения. Всем предложили пройти исследование и на частички пороха на руках. И никто не отказался. Что это значит? Демонстрация под лозунгом «мне скрывать нечего»? Или есть хорошее средство для мытья рук? А возможно, убийца просто действовал в перчатках?

Конечно, нужно дождаться заключения экспертов. Но Вадим не верил, что в нем будет написано имя убийцы.

Под маской таксиста прячется маньяк? Тот самый стрелок-некрофил, который сначала расправился с хозяином дома, а потом притаился неподалеку и стал ждать, когда кто-то из гостей вызовет такси. Ведь гости обычно вызывают такси. Если их, конечно, не увозят в казенный дом на государственной машине. Но стрелок-некрофил знал, что не увезут. Ведь не они стреляли, а он.

И вот он сначала из засады напал на настоящего таксиста, чтобы завладеть его машиной с «шашечками». А теперь собирается напасть на Женю. Зачем ему на нее нападать? Каков мотив? А нет никакого мотива. Маньякам мотивы не нужны. Им нужны жертвы...

Что же это такое! Женя поверить не могла. Неужели ее хотят убить? Опять? Второй раз за полгода! Как будто в непосредственной близости от нее смонтировали и ввели в строй новенький конвейер по производству трупов. И он не простаивает ни дня.

Или дело не в маньяке. Просто Илья и Лена решили от нее избавиться и вызвали такси с шофером-психопатом. Кстати, если бы транспортные фирмы оказывали подобные услуги, отбоя от клиентов не было бы. Надоела жена или кинул партнер по бизнесу – вызывай им такое такси и горюй потом над могилой жертв ДТП сколько влезет.

Кстати, с Женей даже авария не понадобится. Достаточно завести в лес и бросить. Интересно, через сколько времени ее хватятся? На работе прогул запишут уже завтра. Родители забеспокоятся, если она им не позвонит, как обычно, в пятницу. А больше никто и не заметит...

– Кто вы? – спросила Женя своего водителя, ожидая самого худшего.

– Не стрелок-некрофил и не Джек-потрошитель, – ухмыльнулся он, не снижая скорости и не сворачивая в лес.

Машина быстро шла по полупустой трассе: не все дальнбойщики уже проснулись. Может, все еще обойдется, вернее, объедется...

– Но вы и не таксист! – как бы обличительно пискнула Женя.

– Да не пугайтесь вы так, девушка. – Видимо, он заметил наконец, что от страха у нее зуб на зуб не попадает, скоро даже стоматолог не поможет. И пугать перестал. – Я журналист. Я регулярно прослушиваю милицейскую волну, вот и узнал про громкое убийство в Красивом Бору. Позаимствовал тачку брата, он у меня таксист. И поехал за подробностями. Дом большой, народу много. Кому-нибудь обязательно понадобится такси. Брат как раз работает в единой службе. Так что я услышал вызов по рации и – машина подана. Я надеялся выпытать что-нибудь у пассажиров. Да и пока стоял, вас ждал, тоже массу интересного услышал. Прямо возле моего бампера курили два опера, болтали про стрелка-некрофила. На таксистов ведь внимания особо не обращают. Как и на службу вообще. Вот вы, наверное, тоже из службы. Дом-то богатый, там у каждого своя тачка, да еще с шофером. А для вас такси вызвали. Как для службы или для любовницы покойника.

– Любовницы покойника?! – Женю аж передернуло.

– Ну конечно! – Водитель не оговорился. У него и здесь оказалась своя теория. – Пока покойный был жив, ее возил его личный шофер. А теперь хозяин представился, наследникам на папашину зазнобу начихать. Приходится бедной девушке вызывать такси, причем за свой счет. Не на автобусе же среди ночи из этого бора выбираться. Но вы – не любовница.

– Это еще почему? – Женя не поняла, это комплимент или как.

– Потому что за вас мне мужчина уже заплатил, – сообщил ее собеседник. – Значит, вы официантка или певичка на вечеринке, в услугах которой больше не нуждаются.

Заплатил? Видимо, Илья.

– Лихо! – оценила Женя почти дедуктивный метод «таксиста».

– А вы как думали! – самодовольно кивнул он. – Я не из тех журналистов, которые в кабинете сидят и через пресс-службы общаются. У меня нестандартные методы, нестандартное мышление и нестандартные гонорары.

– Рада за вас. Однако сейчас вы как раз общаетесь через пресс-службу. – Женя решила немножко подпилить пьедестал, который воздвиг себе парень.

– То есть? – удивился он.

– Я – сотрудник пресс-службы, а не официантка или певичка, – призналась она.

– Какой пресс-службы? – заинтересовался он.

– Без комментариев, – с профессиональной холодностью заявила Женя.

Не запишут ей прогул. Таксист-журналист не собирался отклоняться от маршрута.

В восемь утра особняк опустел. Но Елена Болотова не стала дожидаться полной пустоты. Хозяйка ушла не прощаясь. Вернее, уехала со своим мужем в свой настоящий дом. Потому что дом там, где хочется, а не там, где приходится жить.

Муж и жена уехали вместе. Игорь Петрович Болотов видел это из окна. Он поймал себя на мысли, что ему все равно, кто считает себя его невесткой. Он бы, наверное, предпочел для своего сына совсем простую девчонку. Без диплома об окончании лондонского колледжа, но с такой фигурой, которую не жалко испортить ребенком, а лучше двумя. Болотовы давно уже мечтали о внуках. Но и Илья, и Маша умудрились вляпаться в сложные отношения, которые не сулят тихих семейных радостей. И если Людмила Ивановна могла утешаться тем, что Лена подходит Илье, потому что красива, обеспеченна и хорошо воспитана, то Игорь Петрович почему-то ощущал фальшь, особенно в последнее время, особенно в этот уик-энд.

Уж лучше автомат в руках, чем нож в рукаве. Кстати, о секретном оружии. Игорю Петровичу перед отъездом нужно перекинуться парой слов с Костей Корастылевым, причем желательно с глазу на глаз.

Беседовать решили в хозяйском кабинете, оба не раз там бывали, дорогу знали. И неожиданно оба почувствовали себя хозяевами. Фроловский уж точно больше никогда не займет кожаное кресло за массивным дубовым столом. В него опустился Игорь Петрович. Костя не возражал. Старшим надо уступать. Да и власть – не всегда на виду. Серые кардиналы незаметны, но влиятельны.

– Как я понял, ты сделал то, о чем я тебя просил. Не стесняйся, я в долгу не останусь, – сказал Болотов многозначительно.

Все-таки босс – он. И готов щедро заплатить за хорошую службу.

– Ничего не нужно, Игорь Петрович, – отмахнулся Корастылев. Теперь он мог себе это позволить. Не брать деньги – это роскошь, доступная в основном богачам. – Наши интересы совпали. Я это сделал не только для вас и для себя. Думаю, никто ни о чем не узнает. Все будет в порядке...

Болотов услышал то, что хотел услышать. Теперь можно и уезжать.

Машина Сергея скучала в ремонте, поэтому парню довелось поработать шофером у Игоря Петровича, Людмилы Ивановны и Маши. Серебристый «бентли-континенталь». Шести-ступенчатая автоматическая коробка передач, разгон до сотни за пять секунд...

– Слава богу, я уж думала, эта ночь никогда не кончится. – Людмила Ивановна облегченно вздохнула, когда автомобиль вырулил на трассу. – Осталось последнее испытание – похороны. Неприлично будет не пойти, он же наш родственник. Как говорят в деревне, сват.

– Я бы все равно пошла, чтобы удостовериться. Вдруг понадобится осиновый кол? – зло усмехнулась Маша.

– Не надо, милая, все грехи искуплены. Нужно забыть. Даже Илья забыл, он опять с Леной. Теперь можно не беспокоиться, а то крутилась возле него эта странная девица.

– По-моему, сейчас и надо беспокоиться, – покачала головой Маша. – Мама, он же был как неживой. И вдруг такой поворот – завел себе любовницу. Я уж решила, ну все, оттаял. Живет не так, как заведено, а так, как ему хочется. Что-то чувствует...

– Так, как хочется, не бывает, – перебила дочь Людмила Ивановна. – Жизнь – это не дискотека, а ринг. Нужно научиться держать удар и смиряться. Терпеть и смиряться. Иначе погубишь себя.

– Плевать! – дерзко заявила Маша.

– Девочка, есть вещи поважнее бунта, мести или что там еще. – Мать проявила терпение, как будто разговаривала с подростком.

– Какие же, например?

– Любовь, детка. Только она спасает.

– По-твоему, Илья любит Лену?

– А разве иначе они прожили бы вместе столько лет? – удивилась Людмила Ивановна.

У Сергея имелся свой ответ на вопрос, заданный на заднем сиденье. Но он промолчал. Не хотел расстраивать будущую тещу. Раз Илья этого не делает, Сергей и подавно не будет. Он будет наслаждаться скоростью, управляемостью, системой стабилизации курсовой устойчивости...

Конечно, он не ожидал, что Илья для Жени вызовет такси, а для жены распахнет дверцу своего «мерседеса». Быстро он сдался. Фроловский был бы доволен. Не зря он затеял эту вечеринку. Его дочка не будет плакать в одиночестве. Впрочем, Сергей всегда сомневался в искренности ее слез.

Елена Прекрасная, хмыкнул он про себя. Скорее уж, Елена Опасная. Сочувствие от слова «чувства»? Насколько Сергей знал Илью, речь здесь шла о чувстве долга. Неужели Болотовы этого не замечают?

Сергей не мог отделаться от ощущения, что родители Маши разговаривают как в телевизоре. Может быть, это и хорошо. «Прикинь, да» от них не услышишь, все серьезно и аргументированно. Нормальный русский язык. Другое поколение. Он все понимает. Но иногда за красивыми словами теряется суть.

Родители уверены, что Илья и Лена – прекрасная пара. А кто такая Женя? Странная девица без роду без племени. Вернее, род у нее есть. Но лучше Болотовым с ее родителями не знакомиться. Это вам не владельцы особняков и не депутаты, даже не бывшие. Любой труд, в принципе, почетен. Но зона, куда много лет ходят на работу родители Жени, явно находится вне зоны интересов успешного предпринимателя Игоря Петровича и его супруги с консерватским образованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.